

УДК 94“16”(4/9)

**ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ***Т. И. Зайцева***RULING ELITE OF FRANCE AND GERMANY IN THE BEGINNING OF THE EARLY MODERN
PERIOD: COMPARATIVE ASPECT***T. I. Zaytseva*

В статье на основе имеющегося в исследовательской литературе материала делается сравнение правящей элиты Франции и Германии начала раннего Нового времени (первая половина XVI в.). Рассматриваются соотношение политических сил верховного правителя и крупных феодалов (французских грантов, немецких князей), примеры межличностных конфликтов и специфика их разрешения, структура института двора как основного пространства бытования изучаемой социальной группы.

The paper presents the comparison of the ruling elite of France and Germany in the beginnings of Early Modern period (first half of the 16th century) based of the material published in research literature. The author analyses: the parity of political forces of the supreme governor and powerful feudal lords (French grants, German princes), examples of interpersonal conflicts and specificity of their resolution, the structure of the court as the basic institution and domain of the studied social group.

Ключевые слова: правящая элита, Франция, Германия, начало раннего Нового времени, первая половина XVI в.

Keywords: ruling elite, France, Germany, the beginning of the Early Modern period, first half of the 16th century.

Цель настоящей публикации – на основании существующего в исследовательской литературе материала дать сравнительную характеристику правящей элите Франции и Германии начала раннего Нового времени (первая половина XVI в.). Еще М. А. Барг писал о наличии в средневековом европейском обществе феодальной знати разного значения, от локальной до имперской; различия положения тех или иных слоев в государстве и местных обществах, специфике связей с королевской властью и нижестоящими слоями [1, с. 90]. В целом в средневековой земельной аристократии принято выделять три основные группы. Во-первых, это низшая знать – рядовое дворянство, рыцарство. Во-вторых, средняя знать – титулованное дворянство, графы и бароны. Наконец, высшая знать, которая может быть обозначена как правящая или властная элита.

К числу последней можно отнести как правителей крупных политических образований Европы (император, король), так и региональных властителей – князей или грантов. Высшая знать стояла особняком в рамках всего сословия светской аристократии. Именно в ее руках была сконцентрирована политическая власть, ведущие экономические и социальные позиции. М. А. Бойцов отмечает символическое и церемониальное выделение этой прослойки из общего круга знати [3, с. 47]. По мнению некоторых исследователей, высшая элита с ее космополитизмом, иерархической системой титулов, гербов и генеалогий и прочим играла роль подлинной аристократии [4, с. 264, 267].

В историографии четкое определение правящей элиты отсутствует, а ее социальное положение рассматривается двойственно. Принц или принадлежит к дворянской аристократии, или возвышается над ней и вообще над сословиями. Кроме того, исследователи считают, что в начале раннего Нового времени происходит эволюция от первого состояния ко второму.

(Так, И. Эльфонд показала на французском материале, что, хотя правители XVI в. подчеркивали свою идентичность с дворянством, король в эту эпоху уже не являлся «первым дворянином»; не только он сам, но и весь его дом приобрели высокий, ни с чем не сравнимый социальный статус) [15, с. 91].

М. Блок отмечал, что социальная история отдельных европейских обществ, при всем сходстве, имела существенную специфику; аналогичные тенденции сталкивались с особенностями коллективной ментальности и правовых институтов. Эволюция иерархической сословной структуры по разные стороны границ государств и обществ шла в одном направлении; но различия в ходе и в результатах этой эволюции достигали такой степени, что становились почти равнозначны различиям в его природе, обнажая полярные и специфические черты в разных социальных средах [2, с. 80].

В средневековой Франции дворянство стояло на верхней ступени социальной лестницы, на протяжении веков все больше отделяясь от прочего, недворянского населения. При этом Р. Десимон считает отличительной чертой французской аристократии то, что представители всех его рангов считались равно благородными [6, с. 15].

Иерархию французской знати возглавлял король. Как указывает Н. Хеншелл, европейские монархии раннего Нового времени имели персональный характер, когда личность монарха накладывала отпечаток на весь характер правления [14, с. 96, 104, 172] Сказанное в полной мере относится к Франции рассматриваемого периода. Характерны в этой связи оценки, даваемые деятельности Франциска I (1515 – 1547 гг.) историками-романтиками. Так, по словам О. Тьерри, тот правил, опираясь не столько на закон, сколько на свои желания и волю, интерес собственного могущества. В то же время, Тьерри не отрицает, что этому

королю часто удавалось находить правильные решения, отвечавшие не только его интересам и славе, но и благу государства [13, с. 71]. В персоне правителя личное и политическое оказывалось неразрывно связано. О тесном слиянии судьбы короля и управляемой им страны писал Ж. Мишле, с точки зрения которого Франция находилась в плену вместе с Франциском, была больна, когда он болел, устремилась в пропасть, когда он роковым образом изменил направление политики [9, с. 4].

Высшее дворянство и принцы крови были известны во Франции под общим названием «гранты». В ходе развернувшейся с XV в. борьбы королевской власти с высшей знатью многие ранее политически независимые сеньоры были физически или политически уничтожены. Для оставшихся все труднее становилось сохранять свою независимость на местах, и гранты начали бороться за возможность подняться на высший уровень центрального управления. Поскольку во Франции основные решения по политическим и военным вопросам, как и распределение патроната осуществлялись при королевском дворе, представители высшей знати стали стремиться попасть на службу короне, проводя в столице все больше времени. В то же время они хотели вернуть феодальную Францию, разделив верховную власть, и широко использовали для этого не только свое влияние на местах, но и возможности придворных интриг [14, с. 28 – 29, 114].

Как пишет С. Д. Сказкин, самыми близкими по крови к королевскому дому и сильными семействами были Бурбоны, Алансоны и Орлеаны. У Бурбонов в начале XVI в. века имелись огромные владения в центре страны. Алансоны были небогаты. Орлеаны оказались после смерти бездетного Карла VIII на троне в лице предшественника Франциска I, Людовика XII. Многие влиятельные титулованные феодалы происходили с юга страны – Д'Альбре, Наварры, де Фуа и пр. [11, с. 152].

И. Эльфонд отмечает, что губернаторства, на которые была разделена французская провинция, в начале XVI в. имели еще неопределенные очертания; окончательно их территории сформировались лишь к концу столетия, обретая четкие контуры, совпадающие с границами исторических областей (Лангедок, Бургундия и др.). В центральной части королевства губернаторств не было. Здесь сохранились крупные феодалы (Неверы, Бурбон-Вандомы) и даже фактически удельные князья из правящей семьи (герцоги Алансонский и Анжуйский, герцогиня Беррийская; наваррские королевы) [15, с. 119]. Крупнейшие земельные владения во Франции давали внушительные доходы, вложения которых нередко использовались для расширения связей при дворе.

Для оценки положения и судеб высшей знати во Франции начала раннего Нового времени можно обратиться к фигуре принца крови Карла III Бурбона (1490 – 1527 гг.), бывшего в 1515 – 1523 гг. коннетаблем Франции. Оказавшись после смерти жены одним из крупнейших землевладельцев страны, Карл был втянут из-за этого в конфликт с матерью короля. Недовольный отношением к себе правящей семьи в 1522 г. Карл вступил в тайные переговоры с Генрихом VIII и Карлом V. Франциск, узнав об этом, объ-

вил Бурбона изменником и начал судебный процесс против него. Бывший коннетабль Франции был вынужден уехать из страны, где выступил против французской короны; он воевал в Италии на стороне императора против французов и погиб в Риме в 1527 г.

По мнению И. Эльфонд, ситуация с Бурбоном показывает, что во Франции не была изжита политическая оппозиция короне, что в полной мере проявит себя в гражданских войнах второй половины XVI в. Однако другие исследователи отмечают, что сам этот конфликт связан с процессом централизации, которому противоречил огромный авторитет Бурбона, и что это был едва ли не последний феодал, сумевший противостоять верховной власти [5, с. 63 – 64; 15, с. 87, 101 – 102; 16, р. 38].

В этом смысле показательна фигура другого аристократа, маршала и коннетабля Франции Анн де Монморанси (1492 – 1567 гг.). Представитель влиятельного феодального клана, Монморанси был крестным королевой Анны Бретонской, воспитывался вместе с Франциском I, а позднее неоднократно воевал рядом с ним. Однако в конце 1530-х гг. Монморанси попал в немилость к Франциску и сумел вернуть свое влияние только после его смерти. Судьбы этих двух людей позволяют оценить взаимоотношения высшего дворянства с королевской властью и меняющиеся границы их свободы. Как и рядовое дворянство, переживавшее процесс подчинения власти, высшая знать во Франции все в большей мере попадала в зависимость от короны [14, р. 33; 16, р. 39, 43].

Особую роль в аристократическом мире Франции раннего Нового времени играл королевский двор, являвшийся одним из самых важных монархических учреждений [11, с. 169]. В первые десятилетия он располагался в ряде центров на Луаре, а также в Дижоне, Лионе и некоторых других местах, когда в условиях войны нужно было быть ближе к границам; со второй трети века центром придворной жизни стал Париж и его предместья. Конечно, в XVI в. королевский двор еще не имел столь отработанного и, по словам французских историков Г. Се и А. Ребийона, «ригидного» этикета, как это будет в XVII в. [20, р. 180], однако образ жизни короля и придворной знати все больше отделяла пропасть от остальной страны. Многие ученые считают, что в жизни французского общества королевский двор получил особое значение именно со времени Франциска I, который положил немало усилий для формирования нового имиджа власти. Расширился придворный штат, сформировался определенный стиль жизни, в центре которого поместилась королевская семья [15, с. 168].

Княжеские дворы во Франции пережили в XVI в. серьезную трансформацию. Особое влияние герцогские дома и их окружение получили в XV в. Общеизвестны в этом отношении слава и значение бургундских герцогов или короля Рене Анжуйского. М. А. Бойцов пишет о том, что целый ряд придворных церемоний, распространившихся в Европе в позднее Средневековье, родившись в Италии, пришли сюда именно через посредство французских придворных центров [3, с. 490]. Однако при переходе к раннему Новому времени княжеские дворы во Франции в значительной мере потеряли самостоятельную политическую роль.

Как отмечает Н. Хеншелл, в резиденциях вельмож по-прежнему было собрано местное дворянство, количество которого должно было быть достаточно большим, чтобы дом гранта сохранял политическое значение. Однако когда его глава отправлялся к королевскому двору или на войну, что случалось нередко, его окружение ехало вместе с ним. Эскорт приближенных сопровождал грандов во время всех передвижений; знать стала постоянно отсутствовать в родовых владениях [14, с. 114]. Итогом эволюции этой сферы во Франции стала монополизация придворной жизни королевским двором.

В Германии сословия возникли по мере ее социально-политического развития как на имперском, так и на территориальном уровнях. В итоге сложилась сильная структура, подкрепляемая «федеративностью» имперского государства. К началу XVI в. окончательно сформировалось трехчленное деление немецкой знати: низшее дворянство, которое часто называли просто рыцарями; не имевшая княжеского достоинства титулованная знать; и, наконец, князья [12, с. 153; 19, с. 22]. Как показала Т. Н. Таценко, несмотря на то, что многое объединяло дворянство (изначально общее происхождение, передаваемые из поколения в поколение и включенные в ленную иерархию родовые земли, налоговые и судебные привилегии, право на гербы и титулы), границы между его группами были весьма прочными. Каждая занимала особое положение в системе властных структур в Германии, обладала особыми политическими правами и самосознанием.

С 1438 г. королями в Германии были австрийские Габсбурги. Это семейство одновременно выступало и как дворянская фамилия, и как территориальные князья, и как правящая (королевская, императорская) династия. Габсбурги укрепились в своих наследственных владениях на юге Германии, составлявших обширное и влиятельное Австрийское герцогство, и активно действовали в направлении их дальнейшего роста.

Еще на исходе периода Каролингов сложились закрытые слои местной элиты в отдельных землях. Князья как самая могущественная сословная группа среди местных дворян стали особенно заметными к концу XII в., а начиная с первой половины XIII в., рядом имперских актов им были даны существенные права верховенства в их землях, заложившие основы территориальной государственности. Князья держали лены непосредственно от императора и носили титул имперских. Достоинство имперских князей имели герцоги, маркграфы, ландграфы и некоторые графы; сословие князей было закрытым для достижения его извне. Из среды имперских князей выделялась их наиболее влиятельная и могущественная группа – курфюрсты, избиравшие верховного правителя Империи и имевшие право соправления ею [12, с. 154].

К XVI в. имперские князья, особенно крупные, значительно продвинулись по пути создания территориальных государств, достигнув практически полного суверенитета над своими владениями и приобретя широкое признание в качестве государей. В этом отношении среди немецких территориальных государств особенно выделялись некоторые – например, курфюрше-

ство Саксонское с государями из рода Веттинов или герцогство Баварское с родом Виттельсбахов. Габсбурги пытались лишить территориальных правителей их политических привилегий, но не преуспели в этом, не найдя широкой социальной поддержки. В ситуации противостояния с Францией и борьбы с Реформацией, императорам приходилось прикладывать серьезные усилия для обуздания самовластия князей [7, с. 16 – 17, 26 – 27].

По мнению ряда исследователей, княжеская власть при всей ее переходности к современности до конца раннего Нового времени оставалась патримониальной. Служащие правителя были ориентированы скорее на интересы государя, чем собственно государства. Князь воплощал в своей фигуре региональное господство; персонализировал государственную идею земельного княжества и авторитет правящего дома, выступал как «отец» земли и династии [8, с. 530; 17, с. 4, 30 – 31, 36, 62; 18, с. 7 – 9, 35]. Согласно точке зрения французского исследователя Ж. Морсея, в Священной римской империи монархический феномен воплотился в большей степени в князьях, чем в самом императоре [10, с. 36].

Среди князей начала XVI в. выделяется несколько особенно заметных фигур. Один из них – курфюрст Саксонии Фридрих III Мудрый (1486 – 1525 гг.). Этот князь активно выступал в рейхстаге за имперские реформы, был кандидатом на получение имперской короны во время выборов 1519 г., но отказался от участия в них и сам способствовал избранию Карла V. Другая фигура – Альбрехт Бранденбургский из рода Гогенцоллернов (1511 – 1525 гг.). Альбрехт пятнадцать лет являлся верховным магистром Немецкого ордена в Пруссии, впоследствии герцогом, в 1525 г. секуляризовав его земли и присоединив к собственным владениям. Как и все вступавшие в орден, он дал обет послушания и отказа от собственности; однако его политическая репрезентация носила почти самодержавный характер. Еще один выдающийся князь первой половины XVI в. – ландграф Филипп Гессенский, прозванный Великодушным (1509 – 1567 гг.). Этот князь стал самым ревностным среди немецких правителей сторонником Реформации, однако был более политиком, чем богословом. Так, являясь одним из главных членов протестантского Шмалькальденского союза, в 1532 г. Филипп заключил направленное против Габсбургов соглашение с Баварией и Францией.

Таким образом, в отличие от высшей аристократии во Франции, судьбы которой даже при наличии солидных политических капиталов зависели от королевской воли, князья в Германии стали самостоятельными территориальными правителями и выступали как полноценные агенты политического поля Империи.

В Германии было множество дворов, составлявших сложную иерархию – императорский (королевский) двор, дворы курфюрстов и герцогов, епископов, ландграфов, маркграфов, графов. В немецкой историографии существует точка зрения, что в многочисленности придворных центров воплотился «федерализм», полицентричность имперского государственного образования; тогда как во Франции социальная нивелировка, как и процесс централизации в целом, зашла дальше, и в рассматриваемый период придвор-

ная жизнь сконцентрировалась преимущественно при дворе единственного правителя [17, s. 57; 18, s. 8].

Императорский двор Габсбургов в Вене являлся для немецких княжеских дворов одним из образцов для подражания. Так, как пишет Т. Н. Ташенко, введенный при дворе Максимилиана I (1493 – 1519 гг.) стиль поведения (в т. ч. аффектирование элементов рыцарской культуры, «приручение» титулованного дворянства, не достигшего статуса самостоятельных территориальных государей) стал заимствоваться дворами территориальных государей [12, с. 155 – 156, 170]. Однако, по мнению Ж. Морселя, значительность немецкого королевского двора в основном зависела от того, что его суверен обладал еще и княжеской властью. Именно поэтому двор Максимилиана пребывал главным образом в Вене, Инсбурке, Линце и Мехелене, где пространством императорского двора смешивалось с пространством двора княжеского – к которому добавляется только эпизодически два имперских города: Аугсбург (из-за Фуггеров) и Нюрнберг (официальная резиденция имперского правительства). В отличие от эпохи Средневековья, немецкий королевский двор уже не обладал особой спецификой по сравнению с княжескими дворами и не играл роли центра [10, с. 35 – 36].

Отдельные немецкие дворы имели отличительные особенности, но в целом можно выделить ряд общих черт; они были архаичнее и проще по сравнению с Францией, царящие там нравы отличала патриархальность. В то же время происходила институционализация специфической придворной культурной среды; дворы становились средоточием государства и значительно росли численно, заполнялись людьми [17, s. 4, 11; 18, s. 4 – 5; 19, s. 7 – 8].

Параллельно тому, как во Франции королевский двор на протяжении XVI в. перешел от «полукучевого» образа жизни и постоянных переездов к стабильному пребыванию в одном месте, процесс территориализации в Германии сопровождался созданием постоянных княжеских резиденций, пик которого пришелся на рубеж XV – XVI вв. В раннее Новое время крупные придворные центры находились, помимо Вены, в

Дрездене, Потсдаме, Мюнхене, Гейдельберге, Штутгарте [18, s. 4 – 5, 35; 19, s. 101].

В итоге следует отметить, что для Франции характерно относительное сословное единство феодальной аристократии и ее высокое положение на социальной лестнице. Иерархию феодальной знати возглавлял король, в персоне которого воплотилась верховная власть. Главенствующее положение короля сказалось на судьбах не только рядового дворянства, но и высшей аристократии. Т. н. грантам становилось все труднее сохранять независимость на местах, и они устремились ко двору, реализуя в придворном пространстве свои символические капиталы и даже центробежные устремления. Однако в целом их возможности противостоять короне сужались. Еще одной особенностью стала централизация придворной культуры и ее упадок в регионах. (Перспектива религиозных войн второй половины XVI в. показывает, что эти изменения не имели необратимый характер. Речь идет не только о военно-политической оппозиции короне со стороны крупных феодалов, но и, например, о децентрализации придворной жизни в условиях ослабления верховной власти; однако общий характер тенденций налицо).

Для Германии характерна двухуровневая сословная структура (Империя, территории), оказавшая влияние и на особенности правящей элиты. К началу XVI в. окончательно оформилось внутрисословное деление немецкой знати, причем границы между ее группами отличались прочностью, особенно в отношении князей. Королевский дом Габсбургов выступал одновременно и как дворянская фамилия, и как территориальные князья, и как правящая королевская династия. В то же время высшая элита в отдельных землях, имперские князья, значительно продвинулась по пути создания территориальной государственности. Попытки Габсбургов лишить территориальных правителей их политических привилегий не увенчались успехом. Князья, чье господство сохраняло патримониальный характер, воплощали в своих фигурах региональное господство и монархический феномен. В многочисленности немецких придворных центров проявился «федерализм», полицентричность имперского государственного образования в целом.

Литература

1. Барг, М. А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества (генезис и социальная динамика средневековой знати) / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1966. – № 12.
2. Блок, М. К сравнительной истории европейских обществ / М. Блок; пер. с франц. И. К. Стафа // Одиссей. Человек в истории. Русская культура как исследовательская проблема; под ред. А. Я. Гуревича. – М.: Наука, 2001.
3. Бойцов, М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе / М. А. Бойцов. – М.: РОССПЭН, 2009. – 550 с.
4. Ведюшкин, В. А. Несколько заметок о европейском дворянстве XVI – XVII вв. и его сословных границах / В. А. Ведюшкин // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословия; под ред. В. А. Ведюшкина. – М.: Археографический центр, 1997.
5. Демидова, М. Франциск I. Образ правителя: интенции и реалии / М. Демидова // Демидова М. А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
6. Десимон, Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции Нового времени / Р. Десимон; пер. с франц. С. Е. Летчфорда, П. Ю. Уварова // Французский ежегодник; отв. ред. А. В. Чудинов. – М.: УРСС, 2001.

7. Ивонин, Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время (1495 – 1806). – Т. 2. Ч. 1: Властители Старой империи. – Смоленск: СмолГУ, 2007. 274 с.
8. Лампрехт, К. История германского народа / К. Лампрехт; пер. с нем. П. Николаева. – Т. 2. – Ч. III – IV. – М.: К. Солдатенков, 1895. – 656 с.
9. Мишле, Ж. Реформа: (из истории Франции XVI в.) / Ж. Мишле; пер. с фр. – СПб.: Тип. штаба отд. корп. вн. стражи, 1862. – 232 с.
10. Морсель, Ж. Двор или дворянство? Двор князя как «место сотворения» дворянства во Франконии в конце средних веков / Ж. Морсель; пер. с франц. Е. Ю. Акимовой, П. Ю. Уварова // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени; под ред. П. Ю. Уварова. – М.: Наука, 2010. – Вып. 71(3–4).
11. Сказкин, С. Д. Франция первой половины XVI века / С. Д. Сказкин // История Франции: в 3 т. / отв. ред. А. З. Манфред. – М.: Наука, 1972. – Т. 1
12. Таценко, Т. Н. Немецкое дворянство в XVI в / Т. Н. Таценко // Европейское дворянство XVI – XVII вв.: границы сословия; под ред. В. А. Ведюшкина. – М.: Археографический центр, 1997.
13. Тьерри, О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия / О. Тьерри. Избранные сочинения. – М.: Соцэргиз, 1937. – 438 с.
14. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншелл. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
15. Эльфонд, И. Я. Потестарные институты во Франции в позднее Средневековье и раннее Новое время / И. Я. Эльфонд // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время; отв. ред. Т. П. Гусарова. – М.: КДУ, 2011.
16. Constant, J.-M. La vie quotidienne de la noblesse française XVIe et XVIIe siècles / J.-M. Constant. – P.: Hachette, 1985. – 317 p.
17. Krüdener, J. V. Die Rolle des Hofes im Absolutismus / J. V. Krüdener. – Stuttgart: Fischer, 1973.
18. Müller, R. A. Der Fürstenhof in der frühen Neuzeit / R. A. Müller. – München: Oldenbourg, 2004. – 134 s.
19. Paravicini, W. Die ritterlich-höfische Kultur des Mittelalters / W. Paravicini. – München: Oldenbourg, 1999. – 142 s.
20. Sée, H. Le XVIe siècle / Avant-propos de S. Charlety / H. Sée, A. Rébillon. – P.: Les presses universitaires de France, 1934. – 411 p.

Информация об авторе:

Зайцева Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета, 89627862996, zaytsevati@mail.ru.

Tatiana I. Zaitseva – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of World History, Tomsk State Pedagogical University.